

Правила жизни

Алексей Балабанов

Кинорежиссер, умер в 2013 году в возрасте 54 лет под Санкт-Петербургом

Записал Кирилл Сорокин
Фотограф Никита Павлов

У меня нет круга общения, я редко выхожу из дома, не поддерживаю старых знакомств и терпеть не могу пустопорожних разговоров.

Я вырос в промышленном центре, где не существовало никакой другой логики, кроме как «все побежали, и я побежал». Единственное, чем я отличался от остальных, — я любил делать бомбы из наборов «Юный химик». Я знал много разных составов, смешивал и взрывал. Зачем? Зачем из рогатки воробьев убиваешь? Потому что это часть охотничьего инстинкта. Зачем стекла бьешь в домах? Ради удовольствия.

Я даже в Монреале один раз попал в обезьянник. Так, по глупости. Потому что они законопослушные, а я — нет. Полицейскому одному не понравился, вот и все. Послал его на хер, потому что он меня заставил стоять в миграционной очереди, а я на фестиваль опаздывал. Он пистолет вытащил, наручники, заставил меня руки за голову положить — в общем, весь набор. У нас бы все проще было: милиционер даст тебе по башке, и ты сидишь тихо.

Я никогда не голосовал. Раньше на выборы насильно гоняли, но я бросал пустой листок. Я и комсомольцем был, но в мое время даже хулиганы были комсомольцами.

Свою первую зарплату я получил после 9-го класса — за то, что вещи в экспедиции таскал да в лодке греб. Мы по озерам Челябинской области ездили — лечебные грязи искали. Это совсем глухие места — мы на узике несколько дней по лесу ехали, чтобы до них добраться. А в этих озерах чудовищная концентрация соли, и вода совершенно черная. И ни души — ни рыбы, ни лягушек. В таких местах, думаю, и писатель Иванов-то не был.

Я не знаю, сколько стоит хлеб в магазине. Чего мне по магазинам ходить? У меня жена и дети.

Моему старшему сыну восемнадцать лет. Только какой он взрослый? Жениться он не собирается. Я вообще не знаю, что он делает. Он с малышами в прятки играет до сих пор. Хотя он очень умный парень — отличник, один из лучших у себя на курсе. Только он живет в очень замкнутом мире. Это называется инфантилизм, это сейчас у многих развито. Но это совсем другой мир, и я его не понимаю.

У меня плохая память на все современное: ни имен, ни названий, ничего не помню.

Изменилась ли моя жизнь за последние десять лет? Да, наверное. Дети выросли, фильмов прибавилось, родители болеют. Ну и каналов стало больше по телевизору.

У каждого режиссера есть только один хороший фильм. Мне «Про уродов и людей» нравится.

Данелия — хороший режиссер, он никогда не скатывается в гайдаевскую комедию. Я не люблю такое кино, когда все кричат и бегают.

Даже не помню, когда я последний раз смеялся. Я такие вещи не записываю. Помню только, что когда в восьмидесятом году я по студенческому обмену учился в Манчестере, то жил в старой рабочей семье. В этой семье дети были, внуки приходили. И мне это очень забавным казалось — что дети на английском разговаривают. Я ведь до этого никогда не слышал, чтобы дети на английском говорили.

Я всегда хотел экранизировать «Камеру обскуру» Набокова. Но, думаю, не смог бы, как он, уехать и писать на чужом языке. Хотя в молодости у меня даже было такое желание. А потом устроился на работу, и все само собой забылось.

Я не считаю кино искусством. Искусство — это когда человек что-то делает один. Художник создает искусство, писатель создает искусство, но когда ты зависишь от пятидесяти человек — какое это к черту искусство?

Никогда не выяснял своих отношений с Богом. Мне, в отличие от Терри Гиллиама, и так все понятно.

От окружающего мира я спасаюсь у себя в комнате. Сажусь и занимаюсь своими делами. Дома меня почти никто не трогает, дома меня уже все знают.

Я люблю старые трамваи. В этом нет никакой метафоры современности, никакой булгаковщины. Красивые они, вот и все.

Я не знаю, хороший я человек или плохой. Не мне судить. Умру — узнаю.

Я всегда ношу тельняшку, привык уже.

<http://esquire.ru/wil/aleksey-balabanov>